

Деньги Шэнь Юя «пропали».

Вся семья знала: вчера Лян Фэнся выдала ему два юаня. Сегодня утром он объявил, что взял с собой восемнадцать фэней, а оставшийся юань и семьдесят фэней припрятал дома. И вот теперь — тайник пуст.

Сяо Цзяньшэ по знаку отца загородил дверной проем и, натянув фальшивую улыбку, пытался спровадить любопытных соседей:

— Да ничего не случилось, всё в порядке. Какие воров? Это дети просто дурачатся, в «казаков-разбойников» играют.

Кое-как выставив зевак за порог, Старик Сяо обернулся к домочадцам. Лицо его было чернее тучи. В груди болезненно кололо, дыхание перехватывало от ярости — ну что за непутевый мальчишка!

— Ты чего раскричался?! Что за бесовство?!

Сяо Цзяхуэй смотрел на него с нескрываемым отвращением, а Сяо Цзясинь и вовсе брызжала желчью:

— Да ты больной на всю голову! Какой вор к тебе полезет? Что у тебя воровать-то, нищеврод?

Шэнь Юй в ответ лишь потряс старым, потрепанным учебником для начальной школы — одним из тех нескольких томов, что стопкой лежали у него в изголовье. Вид у него был бесконечно подавленный.

— Деньги, что мама дала... Я спрятал их между страниц этой книги. А теперь их нет...

Стоило ему договорить, как Старик Сяо, привыкший просчитывать всё наперед, тяжелым взглядом обвел присутствующих. Первой под подозрение попала Лян Фэнся.

Невестка не сумела скрыть замешательства, и Шэнь Юй это сразу отметил. Когда он упомянул книгу, на её лице отразилось недоумение, в то время как Старуха Сяо выглядела ошеломленной, а затем — внезапно прозревшей.

«Смотрите-ка, — усмехнулся про себя юноша, — кажется, воров у нас тут целая шайка»

Жаль только, что Старик Сяо был предвзятым судьей. В первую очередь он заподозрил Лян

Фэнся, хотя прекрасно понимал: вероятнее всего, руку приложила старуха. Мать Сяо Цзяю целый день была на работе, в то время как хозяйка дома имела массу времени для «ревизии» чужих углов.

Заметив странное выражение лица Лян Фэнся, дед тут же вынес вердикт:

— Мать Цзяю, ну как же ты могла?! Деньги выдала, а потом втихомолку назад забрала? В нашей семье Сяо отродясь не было таких порядков!

— Да не брала я ничего! — женщина едва не задохнулась от возмущения. Если бы она действительно нашла те деньги, она бы еще стерпела обвинение, но ведь она ушла ни с чем!

К тому же она точно знала: она перерыла всё. Каждую страницу, каждый клочок бумаги в той каморке — и не нашла ни единого фэня.

«Неужели этот мелкий паршивец специально всё подстроил? — в поисках оправдания мать была готова приписать сыну любые грехи. — Потратил деньги, а теперь хочет еще раз меня обчистить?»

Она уже открыла было рот, чтобы защититься, но Шэнь Юй опередил её.

— Я только поднялся к себе и сразу увидел, что в постели кто-то копался. Всё вверх дном перевернуто, даже в трусах моих рылись (хотя всё это были лишь старые трусы прежнего Шэнь Юя), — он горько вздохнул. — Мне всё-таки скоро восемнадцать, я почти взрослый человек. Ну как же можно так беспардонно лезть в чужие вещи?

Лян Фэнся замерла в шоке:

— Это не я! Клянусь, не я!

В обеденный перерыв, когда в доме никого не было, она действительно пробралась наверх в поисках записки. Но уже тогда постель была в беспорядке, и она еще попеняла про себя, какой же парень неряха — бросает вещи как попало. Сама она действовала крайне осторожно, стараясь вернуть каждый предмет на свое место.

И что в итоге? Оказывается, кто-то успел опередить её и провести «обыск» до неё?

Кто бы это мог быть? Кроме этой старой карги, никому! Точно, это она! Специально забрала деньги, чтобы потом свалить вину на невестку!

«Вот ведь старая змея, ну и черная же у неё душа, — Лян Фэнся от ярости едва не лишилась дара речи»

Такого унижения она терпеть не собиралась! Впрочем, в отличие от вздорной старухи, она предпочитала действовать тоньше. Женщина картинно закусила губу, глаза её мгновенно наполнились слезами, и она с мольбой посмотрела на мужа:

— Цзяньшэ, я не хотела этого говорить... Подумаешь, юань с лишним! Да разве я бы стала мелочиться из-за таких крох, когда сама же их сыну и дала? Но я не могу позволить, чтобы на меня вешали такое клеймо. Я не хочу, чтобы другие дети потом тыкали в Цзяяо пальцем и кричали, что его мать — воровка!

Она всхлипнула, придавая голосу еще больше трагизма:

— Сегодня, когда я зашла домой, я видела, как мама лестницу переставляет. Я еще удивилась тогда: Сяо Юя дома нет, зачем ей туда лезть? Теперь-то я понимаю... Ох, лучше бы я ошибалась!

— Да ты что несешь, бесстыжая?! — Старуха Сяо взорвалась мгновенно. — Когда я ту лестницу трогала, еще и полудня не было! Ты когда это меня видела?!

Старуха чувствовала себя глубоко оскорбленной. Она была уверена: невестка сама прикарманила деньги, а теперь валит на неё, ведь она сама ничего не нашла!

Шэнь Юй прикрыл лицо рукой, пряча усмешку. С такой тактикой старухе нечего было и надеяться победить Лян Фэнся — ту сдерживал только авторитет Старика Сяо.

Сяо Цзяхуэй стоял как громом пораженный. Он искренне верил, что дедушка с бабушкой — святые люди, отец — образец добродетели, и только мачеха — корень всех зол. Что она могла украсть — в это он охотно верил, но чтобы бабушка... Пойти на такой позор из-за копеек? Быть не может!

Старик Сяо и Сяо Цзяньшэ просто чувствовали бесконечную усталость. Имея такую «группу поддержки», старик мог только бессильно ругаться, а Цзяньшэ не смел и слова сказать против матери.

Старик Сяо бросил выразительный взгляд на сына. Тот легонько подтолкнул жену, и Лян Фэнся, избразив на лице величайшее смирение, прошептала:

— Наверное... я просто ошиблась...

Сяо Цзяньшэ в этот момент ненавидел Шэнь Юя всей душой. Если бы отец вчера не пообещал ему, что выставит парня за дверь, как только тому исполнится восемнадцать, он бы не сдержался и проучил этого щенка прямо сейчас.

Старик Сяо бессильно махнул рукой:

— Хватит! Из-за пары монет устроили в доме бедлам. Тьфу на вас, мелочные, жадные души!

Он подал знак сыну, тот снова надавил на невестку, и она, скрепя сердце, приняла из рук мужа два юаня и протянула их пасынку.

Забавно: хоть все и понимали, что деньги взяла старуха, Старик Сяо заставил Лян Фэнся выдать «компенсацию», чтобы сделать вид, будто никто из семьи Сяо к краже не причастен.

Глядя на то, как Старик Сяо уводит кипящую от гнева и обиды старуху, Шэнь Юй чувствовал ни с чем не сравнимое удовлетворение.

«Больно? Обидно? Неприятно, когда тебя несправедливо обвиняют?»

А когда ты, старая карга, клеветала на прежнего Шэнь Юя, ты не слушала оправданий. Ты просто открывала рот и поливала его грязью, а даже узнав правду, продолжала называть «маленьким воришкой».

Говорят, сочувствие — это когда понимаешь чужую боль. Но ничто не учит так доходчиво, как собственная шкура.

Зажав в кулаке два юаня, юноша в прекрасном расположении духа вернулся в свою каморку.

Он быстро прикинул бюджет: к оставшимся от прежних трат одному юаню и семидесяти восьми фэням добавились четыре юаня, выуженные у матери за эти два дня. Минус восемнадцать фэней за кукурузную муку. Итого — пять юаней и шестьдесят фэней.

«На ужины в этом месяце точно хватит»

Следующие полмесяца прошли на удивление спокойно. Единственным событием, достойным упоминания, стал восемнадцатый день рождения Сяо Цзяхуэя — он пришелся как раз на следующий день после того «ограбления».

Вечером семья Сяо устроила пышное празднество. Шэнь Юя, к общему удовольствию, дома не было, поэтому домочадцы развернулись вовсю: купили мясо, наварили «лапши долголетия», вскрыли банку фруктов от семьи Юнь. Кульминацией вечера стал настоящий торт — с кремом и фруктами.

Стоила такая роскошь баснословно дорого — за небольшой десерт отдали несколько юаней. Едоков в семье было много, поэтому каждому достался лишь крошечный кусочек. Только именинник, как герой дня, получил добрую треть.

По правде говоря, это был посредственный кондитерский шедевр тех лет: масляный крем на сахаре, который взбили не слишком тщательно, отчего из-за того, что сахар растворился не полностью, в креме чувствовались крупинки, а сам бисквит был плотным и тяжелым. С нежными сливками из будущего это не шло ни в какое сравнение.

Но для детей Сяо этот торт был пределом мечтаний. Сяо Цзяяо, проглотив свою порцию, устроил настоящую истерику, требуя добавки, и едва не перевернул стол, когда ему отказали. Сяо Цзясинь тоже изнывала от жадности, но брат выделил ей лишь крохотную крошку, за что она в сердцах обозвала его скрягой, который променял родную сестру на девчонку.

И она была права: свою половину торта Сяо Цзяхуэй почти не тронул. Он бережно упаковал её и на следующий день понес в школу, чтобы угостить Юнь Байя, заявив, что хочет разделить с ней свой праздник.

Когда Шэнь Юй вернулся накануне вечером, Цзясинь с упоением расписала ему этот десерт, превознося его вкус так, будто это была пища богов.

«Как только появятся деньги, можно подумать об открытии кондитерской. Дело прибыльное»

Надо признать, такой жест со стороны Цзяхуэя произвел на школьников неизгладимое впечатление. Торт! Это было куда изысканнее и романтичнее, чем банальная лапша.

Парни одобрительно улюлюкали, девушки завистливо вздыхали, и даже Юнь Байя, которая в последнее время заметно охладела к своему поклоннику, зарделась от удовольствия. Когда она принимала подарок, её взгляд, устремленный на Цзяхуэя, снова стал нежным и многообещающим.

Шэнь Юй, подперев подбородок рукой, с интересом наблюдал за этой сценой. Он видел, как Лю Миньюй буквально захлебывается от ярости. В её глазах сверкали кинжалы, и казалось, она готова была испепелить подругу на месте, лишь бы оказаться на её месте.

Несколько парней, тайно влюбленных в красавицу Юнь, тоже выглядели мрачнее тучи. Особенно выделялся Ван Маосин — его обычно бледное лицо позеленело от ревности.

Ван Маосин, наряду с «тайной богачкой» Чэнь Мэйли и главной героиней, был выходцем из самой обеспеченной семьи в классе. Его отец занимал пост начальника цеха на мебельной фабрике. Парень давно сох по Юнь Байя, но природа не наделила его ни ростом, ни статью Цзяхуэя, поэтому девушка всегда держала его на расстоянии.

В последнее время, когда идеальный образ Цзяхуэя в её глазах слегка померк, Маосин решил, что его час настал, и перешел в наступление. Он уже было почувствовал, что богиня сменила гнев на милость, но этот торт мигом вернул его на исходную позицию.

В оригинальном романе этот Ван Маосин выступал в роли мелкого антагониста на ранних этапах, доставляя Цзяхуэю массу хлопот, пока тот окончательно его не сокрушил.

Юноша с удовольствием наблюдал за драмой, радуясь, что сам больше не является частью этого сюжета.

Работы у него было невпроворот. В школе он изо всех сил грыз гранит науки, а на переменах старался разделаться с домашним заданием, чтобы освободить вечера для работы.

Каждую ночь он тратил два-три часа на изготовление аксессуаров. Когда руки привыкли, он выдавал по пятьдесят простых резинок в час. Однако сортировка и подготовка ткани всё еще отнимали слишком много времени.

К тому же с каждым днем холодало. У него не было теплой одежды, и приходилось напяливать старый, продуваемый всеми ветрами ватник прежнего владельца тела. Питался он скудно, экономя каждый фэнь, и постоянное чувство голода в сочетании с холодом заставляло его торопиться с началом продаж.

Присмотревшись к соседям, Шэнь Юй решил, что семье Сяо Дуна можно доверять. Он договорился с маленькой Сяо Ся, что та будет помогать ему с сортировкой и подготовкой лоскутов за небольшое вознаграждение.

Теперь к его приходу девочка раскладывала ткань по категориям, а самые неровные куски аккуратно подрезала, превращая в удобные для шитья полоски. Это сэкономило ему уйму времени.

Сяо Ся была еще мала, и бабушка с братом боялись отпускать её одну со двора. Делать ей было нечего, так что она с радостью взялась за работу и наотрез отказывалась брать деньги.

В итоге он нашел выход: на выходных юноша встретил торговца яблоками и купил два цзиня яблок. Местные яблоки стоили по тридцать пять фэней за цзинь — небольшие, зеленовато-красные, но вполне сочные и ароматные. Когда он принес их и поделился с семьей Сяо Дуна, малыши были на седьмом небе от счастья.

Разумеется, Шэнь Юй не забыл оставить одно яблоко для своей соседки по парте — он помнил каждое её угощение и старался платить добром на добро.

Незаметно пролетела половина декабря. В распоряжении парня уже было более двух тысяч готовых изделий — как простых тонких резинок, так и пышных скранчей. На последние уходило по две резинки, поэтому старый запас быстро исчерпался, и ему пришлось потратить еще два юаня на новую партию эластичной ленты.

Кроме того, он купил отрез грубой хлопковой ткани и сшил себе вторую пару белья — ходить неделями в одном и том же было выше его сил.

Маленький тюбик зубной пасты закончился, пришлось покупать новый, да и за походы в баню тоже нужно было платить.

Запасы еды таяли еще быстрее. Те два килограмма муки закончились в мгновение ока, и Шэнь Юю пришлось снова тратить деньги. Продовольственные карточки вышли, и теперь он был вынужден покупать зерно по рыночным ценам, отчего в кошельке снова зазвенели сиротливые медные гроши.

Зима окончательно вступила в свои права. На уроках юноша едва сдерживал дрожь, сидя за партой. Однажды Чэнь Мэйли, заметив его состояние, просто сунула ему за пазуху свою грелку с горячей водой. В тот момент он был так тронут, что готов был поклясться ей в вечной верности.

Последние несколько дней Шэнь Юй работал на износ. Все выходные он проводил в своей каморке, переделывая и украшая базовые модели. И вот, наконец, к двадцатому декабря у него была готова внушительная партия обновленных, изысканных аксессуаров.

<http://bllate.org/book/15805/1429025>